

БИБЛИОТЕКА АЛЬМАНАХА
«СЛОВЕСНОСТЬ»

Книжная серия
«Визитная карточка литератора»

БОРИС ИЛЮХИН

СТАРАЯ ШКОЛА

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
МОСКВА

Вест-Консалтинг
2015

Илюхин Б. С.

СТАРАЯ ШКОЛА. *Стихотворения.*

М.: Вест-Консалтинг, 2015. – 40 с.

ISBN 5-86676-092-4

© Б. С. Илюхин, текст, 2015

© Н. Давыдова, Д. Цесельчук, предисловие, 2015

© Союз литераторов России, идея издания, 2015

© Вест-Консалтинг, оригинал-макет, вёрстка, 2015

«ВСЁ НАЧИНАЕТСЯ БЕЗ СЛОВ...»

Борис Семёнович Илюхин — это не просто поэт, художник и педагог. Он удивительно многогранен и поэтому входит в содружество Творческого союза художников, Союза литераторов России, избран членом-корреспондентом Национальной академии России и правления Центрального Дома работников искусств.

Оригинальный живописец, график, скульптор и дизайнер, создатель школы эстетического воспитания и музыкально-литературной гостиной «Старая Школа», один из ведущих художников российской почтовой миниатюры. Работа, посвященная Михаилу Кутузову, была признана лучшей в России за период с 1992 по 2009 год.

Интересно, что автор пишет и говорит о себе: «Я не только работаю над почтовыми миниатюрами. Я и писатель, увлекаюсь поэзией (поэтический псевдоним — БоИ), руковожу художественной студией, которую унаследовал от своего педагога, я страстный меломан, поклонник Дам и Эпикуреец. На базе детской библиотеки Гагаринского района столицы действует музыкальный салон, где два раза в месяц проходят музыкально-просветительские вечера. Собираются там те, кто любит искусство и ценит «души прекрасные порывы». А, кроме того, я пишу портреты. Я родился в трудную для Родины пору, но под крылом мудрейшего из ангелов. Он, или бытийные обстоятельства, предоставили мне достаточно жизненных испытаний, позволивших мне стать, как мне кажется, личностью. Судьба дала мне в наставники — мудрецов, в друзья — верных и преданных, во враги — достойных. Мой *Ангел* не дал мне покоя, и каждое качество моей души отшлифовал соответствующим образом. Терпение сделало меня учителем, а жизнь привела ко мне талантливейших».

Работы Б. Илюхина хранятся в Государственном музее С. Рахманинова (г. Ивановка Тамбовской обл.), Государственном театральном музее им. А.А. Бахрушина, в музеях московских театров и в частных коллекциях в Италии, Германии, Испании, Швейцарии;

оригиналы почтовых миниатюр хранятся в Российском государственном музее связи.

По представлению Союза литераторов России в 2014 году стал госстипендиатом в номинации «Выдающийся деятель искусства и культуры России». Автор десяти поэтических книг, таких как «Сонеты», «Я чувствам нарекаю имена», «Из всех увещеваний мудрецов», серии искусствоведческих эссе.

Борис Илюхин это — явление, органичное, яркое, поистине — воплощённое творчество. И читатель, надеясь, согласится с этим определением, прочитав одиннадцатую книгу стихов Бориса Илюхина «Старая Школа», где вы найдёте такие целебные строки: *«И вынужден я поневоле / Всё, что написал, перечесть / И знаю — лекарство от боли / Среди этих буковок есть»*.

Нина ДАВЫДОВА
Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК

МЕЦЕНАТУ

Прекрасна к нам пришедшая весна,
И прежний мир весною обновлённый,
И полная луною ночь без сна,
И смутная мечта души влюблённой.

А как ржаная корочка вкуса
Для плоти воздержаньем истомлённой!
И как молитва сладостно грустна
В тиши исповедальни потаённой.

Я расскажу тебе, мой щедрый друг,
О том, что ангел мне ночами шепчет,
Что в будущем открыли музы нам...

Тебе в твоих заботах недосуг
Вникать: о чём, то бишь, душа лепечет,
Терпеть советы дам и верить снам.

ОДИНОКИЙ СТРАННИК

Как вечерняя дорога на закате невесома;
В облаках над горизонтом рдеют ласково угли
Я иду навстречу солнцу и далёко мне до дома,
Но не трудно и не грустно, лишь бы ждать меня могли.

Как страна моя прекрасна и светла, не надо рая:
Простодушен и приветлив каждый домик на Руси,
А меня несёт пушинкой по земле моей без края,
Так что если ещё ждёшь ты, меня, милая, прости.

Дотлевают тёплый вечер, утопает солнце в кронах,
Вслед мне смотрит золотая полуношница луна;
Далека моя дорога, я иду в весь свет влюблённый,
И для всех, кому не спится, в этом есть моя вина.

ПОЭТ И ЛЮДИ

Как расступились, отступились
Все близкие — иди себе,
Откуда взялся, сделай милость,
Ну, что тебе в земной судьбе?

К тебе ночами ангел ходит,
И вы с ним ночи напролёт
О нас, о маленьком народе,
Неслышно шепчетесь. И вот,

Приходишь утром ты с тетрадкой
С глазами суше, чем зола,
И внятно, горестно и сладко
Поёшь, что жизнь-то не мила.

Что мы здесь мечемся в юдоли
Меж низменных своих забот,
А наши радости и боли
Суд высший никакой не ждёт.

Ты нас зовёшь всё сердцем мерить,
Страдать и счастьем и виной,
А мы тебе не можем верить,
Когда ты сам насквозь земной.

Тебя мы любим — ты беспечен,
Обманем — страдаешь, как и все.
Вот ты — поэт, а изувечен,
Хотя и пёрышки в росе.

Иди себе. Нам невозможно
Душой наведываться ввысь,
А нынче научи нас всё же
Оправдывать словами жизнь.

МАГИЯ СТИХА

Полуночи смутное время —
Безбрежная ночи река,
Когда расстаёшься со всеми,
О ком даже мысль дорога.

Когда никакое объятье
От бездны меня не спасёт,
И, что не желаю узнать я,
Уже через миг меня ждёт.

Когда от случайных прозрений
Лукавым умом не спастись,
Мне разве что стихотворенье
Строфу не доскажет — держись.

И вынужден я поневоле
Всё, что написал, перечесть
И знаю — лекарство от боли
Среди этих буковок есть.

ПРОГУЛКА ПЕРЕД КОНЦОМ ВРЕМЁН

Москва — река нас зазвала
В поля среди холмов отлогих —
Мы позабыли все дороги
И неотложные дела.

На благовест из Слободы
Мы вышли из узорной тени,
И звякнул колос о колени
Во влажных кущах лебеды.

Навстречу нам из-за оград
Дразняще свешивались сливы,
И кротко цапал сквозь крапивы
Крыжовник — русский виноград.

Когда, в какие времена
Всё это было? — так знакома
Дубов кладбищенских истома
И бедной церковки стена.

И молящийся в облака
Звонарь на шаткой колокольне,
И на полях, где бродят кони,
Оконцем слюдяным река.

И искры солнца в волосах
У девушки в венце из света,
И нота будто недопета
У благовеста в три часа.

Для нас, бредущих невзначай,
Известны были эти тропы,
Так, словно вёл нас тайный опыт
В благословенный прежде край.

Мы шли по грани меж времён,
И день не кончится, казалось,
Хотя с востока тьма вонзалась
В звенящий синью небосклон.

А следом, волоча грома,
За нами алый сполох гнался,
Но свет стоял и не кончался
И не объяла его тьма.

* * *

В пейзажной лирике есть тайна
Причастности к земной судьбе,
Где всё, как ни было б случайно,
Безмерно дорого тебе.

Всего лишь перечень травинок —
Искрящийся росой луг,
Где ткёт колье из паутинок
С алмазной россыпью паук.

Дремотный пруд — лежит зеркалом,
Ветла — купает косы в нём,
И зорька — в облаченье алом
Неспешно сходит в водоём.

Бестрепетная, как монашка,
Всегда в сторонке ель стоит,
А дуб — всегда вздыхает тяжко,
А камень у тропинки — спит.

Осинник — беспокойно ропщет,
Овражек — заповедный грот,
А та берёзовая роща —
Девичий шумный хоровод.

А если ты пораньше встанешь,
Сну предпочтя триумф зари,
То без сомнения узнаешь —
О чём природа говорит.

У нас, в Нескушном, утром ранним,
Как в очарованном лесу.
А это я, на дальнем плане,
Иду и веточку сосу.

* * *

В искроглазом июне всегда мне не спится —
Его светлые ночи мечтанием дышат —
И тогда я из каменной топи столицы
Вырываюсь, призывы невнятные слыша.

По каким-то почти позабытым приметам
Нахожу я старинные тракты в кипрее,
И теку с облаками по пажитям лета
Я, дразня жаворонков беспечным хореем.

Ой-ли, древняя воля, ой, русская доля,
Ты вросла, ты впиталась в дремотные дали;
Тихоструйными реками каждое поле
Окаймив, как серебряным нимбом печали.

Я иду, протекаю сквозь юные рощи,
Камни старых дорог узнавая ногами,
День за днём становясь невесомей и проще
И прозрачную суть бытия постигая.

Неприметная жизнь городков обветшалых
Приютит меня ласково и простодушно,
И забуду о всех я светло и устало,
Сидя в старом саду на скамейке под грушей.

А однажды к заутренней колокол звякнет,
И хозяйка, котомку мою собирая,
Вышьет ниткой суровой по краешку знаки,
Чтоб хранили в дороге до самого рая.

Запахнётся околицей город безвестный,
Бесконечные вёрсты потянутся снова,
И останусь я разве что грустною песней,
Из которой никто не забудет ни слова.

Меня близким вернёт уходящее лето,
Но в краю, где жилось мне блаженно и сиро,
Может быть, стану я чуть заметной приметой
Безмятежного, нежного русского мира.

РУССКОЕ

Степь без края — ковыльное море,
Волн зелёных медлительный бег.
Потерялся в бескрайнем просторе
Белой церковки утлый ковчег.

Тенькнет колокол, и отзовется
Жаворонка весёлая песнь,
И опять тишина разольётся
Светлым морем до самых небес.

Милый край, дорогая отчизна
В белых лентах бескрайних дорог,
От тебя вдалеке я бы жизни
Даже сказочной вынести не мог.

Мне бы только вдыхать этот ветер,
И на старую церковь смотреть,
И со светлой душой на рассвете
Вон на том бугорке помереть.

ИЗ ПРОШЛОГО...

Сегодня чудный вечер: облака
Недвижной паволокой затянули дали,
Ни мановенья крон, ни ветерка,
И лишь зарница томный сумрак жалит.

Всё замерло, одни стрижи спуют,
Черпая свет крылом из самой выси,
А ивы уж тягучий сумрак пьют
Из чёрного пруда на старой мызе.

И ни души, забвеньё и покой,
А память в закромах своих плурует,
И, кажется, на миг глаза закрой,
Остановись... и прошлое настанет.

* * *

Туман, туман...
Ни ветерка,
Ни искры;
Всё покрыли тучи.
Полночный колокол беззвучен.
Всё — сон,
Всё — смутная тоска.

Но кто-то георгин сорвал
И белый омут потревожил...

О, нет!
Ни луг, ни сад не ожил,
И в дверь никто не постучал.

Но воздух пился, как вино,
И мрак немой
Дышал смятеньем,
И нет
Ни шороха,
Ни тени,

Лишь георгин упал в окно.

САКРАЛЬНОЕ

Мне жизнь уже не дорога,
Теперь могу я быть беспечным
И, не спросясь, уйти в луга,
Не разбирая день ли, вечер.

Чуть только за грядой дубрав
С последним всхлипом город сгинет,
И мир наполнит шёпот трав —
Рука блокнот привычно вынет.

Как я люблю вникать душой
В таинственную жизнь природы,
Дар певческий свой небольшой
Я ей с признательностью отдал.

Мышонок ли в траве шуршит,
Синичка ль тинькает приветы —
Взбегают букв мураши
В живую летопись поэта.

Летит в моём черновике
Беспечный стриж в пушистой туче,
Горит в расплавленной реке
Зари вечерней жаркий лучик.

К полуночи, как некий дух,
Туман вскипает из оврага,
В притихшем мире весь я — слух,
И боязно ступить полшага

А мир огромен, как ковчег,
Вместивший мириады жизней
И, стоит лишь замедлить бег,
Как ты окажешься в Отчизне.

АЛЛЕЯ ГРУСТИ ВДОХНОВЕННОЙ

В старинной липовой аллее
Бог знает сколько лет подряд,
Больного сердца не жалея,
Я пью воспоминаний яд.

Под липы эти каждый вечер
Я прихожу грустить и им,
Бредущим медленно навстречу,
Киваю, как друзьям своим.

Их величавое бесстрастье
Меня не может обмануть —
Они со мной делили счастье
И скорбный осеняли путь.

Сегодня день благоуханный,
В цветущих кронах пчёл гудёж,
И мне так сладостно желанна
Их утешительная ложь.

ЧАРОДЕИ

Муравлёву А. А.

Здесь дети солнца жили испокон,
Высокий дух веками созидаю,
В дерзаниях всечасно соблюдая
Гармонию — единственный закон.

Но обольстил их разум гегемон,
Возвысив низкое до идеала,
И мерзость беззастенчиво предстала
Реликтом достопамятных времён.

Она сумела оболгать народ,
Их помыслы и чувства пронизала,
И в храм пришли торговец и меняла,
И в лавр и пурпур облачился сброд.

И стало: отвратил Господь лицо,
И умерли последние пророки,
Потомки стали злобны и жестоки,
Презрев увещеванья мудрецов.

Но грешный мир не обратился в прах:
Над будущим таинственно радея,
Мечтательные бродят чародеи
В своих неувядаемых садах.

Меж падших, непреклонные, они
Пронесят светоч истин неприметно,
Чтобы во имя нового расцвета
Возжечь однажды прежние огни.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Пора;
Истаяла заря
За рощицу дальней,
Ночные ангелы парят
Над нашей тихой спальней,
В стекло стучатся их крыла,
Постель, как облако бела,
Уже и тень твоя легла
На простыне крахмальной.

Усни, я рядом посижу
Тихонько в изголовье,
Я от напастей огражу
Твой сон, твоё здоровье.
Я ангелом лечу в твой сон,
И в воздух ночи растворён,
Твоим дыханием пленён
Пою тебя любовью.

Как мирозданию нет границ,
Так нет и мне предела,
За тем лишь, чтоб из под ресниц
Ты ласково глядела,
Чтобы продолжились в веках
Твоей руки прозрачной взмах,
Цветок улыбки на губах,
И речь твоя звенела.

Спи, драгоценная, всё вздор —
Нет вечности залога,
И наш неслышный разговор
Не значит слишком много.
Но тьма прозрачна, как кристалл,
Алмазы — звёзды, месяц — сталь,
А сон, как жаркие уста
Восторженного бога.

* * *

Сегодня тьма особенно пуста,
Так, словно я впервые создал вечер.
Над белым мраком чистого листа
Мгновенной мыслью знак творца очерчен.

И создан мир. С начала до креста.
Перо бесстрастно жребий судеб мечет,
И суть творенья стала бы проста,
Когда бы не сама судьба предтечи.

Когда снимает со своей души
Блаженства оттиск он для мироздания,
Когда любовь и нежность он вершит,

Нет для творца счастливей созиданья,
Когда бы не обязанность — решить,
Как поделить печали и страдания.

НАЗИДАНИЕ

От счастья, что незыблемым казалось,
От незабвенных беспечальных лет
Душа запечатлела только малость —
Непогрешимый изначальный свет.

Когда в пучину жизни погружалась
Беспечная она, то каждый след
Присутствия её, как мне казалось,
Сжимала тьма лукавства и клевет.

В отечестве своём, не в чуждых странах,
Для беззащитного, пожалуй, слишком рано,
Узнал я боль, предательство и ложь.

Мой ученик, внимая лжепророкам
И лицемеров вежливым урокам,
И ты рискуешь согнуть ни за грош.

ПЛЕНЕР

Октябрь. Достало б красок жарко тлеть
С природой вместе сердцем иступлённым
И кобальтом, как медью, прозвенеть
В пейзаже, золотом небрежно окроплённом.
Как лёгким ветром, кистью прочеркнуть
Мазком небрежным по степенным елям
И стылым бликом в низ холста макнуть,
Качнув гладь пруда рябью еле-еле.
Ещё бы пахнуть сыростью лощин
И течь по небу с журавлиным клином,
И мастихином взбить каскад морщин,
Пейзаж наполнив воздухом полынным.
И можно возвращаться, но душа
В оцепененье от восторга впала,
И я бреду и внемлю, как шуршат
Чужие ноги по листве устало.

ПЕСНЯ ДОЛГОГО ПУТИ

Там за клинкой грядой полыхают знамёна заката
И стеной неприступной стоит зачарованный лес,
А мне помнится, что день и ночь меня ждали когда-то
Все тропинки туда с головою повинной и без.

Я конечно шальной, неуступчивый был и беспутный,
Мне под каждым кустом уготованы стол был и дом,
Но куда б не несли меня ноги, я знал почему-то,
Что конечно вернусь и, что кто-то мечтает о том.

Я почти забывал путь обратный и милые лица,
Я почти растерял все пристрастья беспечной души,
А закрою глаза — незабвенный мне домик приснится,
И тропинка туда мне всё время под ноги спешит.

Дорогая, прости, я тоской напоил злые годы,
Вроде сгинул, а боль и надежду оставил тебе,
Но поверь, я вернусь из своей непутёвой свободы —
Твоей памятью путь мне обратный проложен в судьбе.

НОЧНЫЕ СТРОФЫ

Спите, милые, спите, как спится
Детям после дневных забав.
Вам ещё предстоит убедиться,
К сожалению, как я прав.

Вы привыкли к моей опеке,
Незаметной, как божий кров,
И беспечности вашей реки
Не желают знать берегов.

Постулатами вас измучив,
Не сковал я для всех брони,
И теперь я на всякий случай
Для забот оставляю дни.

Но сейчас, когда сыплют звёзды,
Словно буквы мне в тетрадь,
Для себя мне пожить не поздно
В этих строчках, а там — как знать.

ГЕНИЙ В ПУСТЫНЕ

Г. Червинскому

В доме от дорог к востоку
Ангел без венца и крыльев
Называл себя пророком,
Цепенея от бессилья.

Он пришёл как на экзамен,
Предъявил от крыльев перья —
Дети с умными глазами
Слушали, ему не веря.

Показал он кровь Христову
И русалки хвост лазурный,
Показал, как люди стонут,
И рассыпал прах из урны.

Вынул из сумы скрижали,
Где он вписан был когда-то,
И горящим взглядом жалил
Глаз их мирные закаты.

Он хотел бы бурю вызвать
В озерцах их стылых взглядов,
Но включали телевизор
Дети, предвкушая радость.

И, бледнея от бессилья,
Он сложил в мешок заплечный
Перья — может быть, от крыльев,
Кровь — быть может, человечью.

И ушёл, и умер скоро,
Никого не искушая,
Светоч, недоступный взору,
Крик, неслышимый ушами.

ПОСВЯЩЕНИЕ

В этих строчках всё сентиментально,
«Ведь они под стать твоей судьбе...»
Я б желал тебе жить беспечально,
Но на самом деле жизнь — в борьбе.

Я открыл тебе всего страницу
В золотую книгу бытия,
А чему там сбыться и не сбыться,
К сожаленью, знаю только я.

Отворяю сердце. Там, на воле,
Пусть тебе поможет мой урок:
«Все блаженства, все любви и боли
Затвори навек в собранье строк».

Если вправду — сердце не обманет
И лукавый ум не перевертёт,
А тому, чего хватать не станет,
Научу ещё тебя...
Так вот...

* * *

Кривелевой Юле

Отчего молчат поэты?
Ну-ка, Юля, объясни!
Посмотри, в июле дни
Ласковым залиты светом.

Заточи карандаши,
Чтоб в твореньи полукавить —
В мирозданье след оставить —
Привилегия души.

Посмотри-ка, как Господь
Обустроил мир волшебю —
Словно сдобный мякиш хлебный,
Воздуха живая плоть.

И вода в ручье — вино,
И конца нет светлой дали;
Все блаженства, все печали —
Всё нам музами дано.

Для поэта испокон
Всё исполнено значенья.
Берегись, возьму ремень я,
Чтоб прервать поэта сон.

Мне доверено следить,
Чтоб талантов не ubyло.
Так о чём ты там грустила?
Попытайся объяснить.

* * *

Всё с лёгкости начинается,
От самых её начал,
А как она достигается
Я всем уже рассказал.

У Господа в длани взвешена
Души дерзновенной суть,
Любая его затрещина
Поможет когда-нибудь.

Здесь, главное, рабской прелести —
Подобия избежать,
А чтобы не кануть без вести —
На месте вестей не ждать.

Пусть мир тебе станет родиной,
Жизнь — это всего лишь путь,
А что тобой будет пройдено —
Расскажешь когда-нибудь.

В МОЁМ НЕСКУШНОМ

Вечерним августовским светом
Наполнился Нескушный сад;
Последним ласковым приветом
Меня напутствует закат.

Скамья в запущенной аллее
Уже пуста, не слышно птиц,
Но видно, как в реке алеет
В ленивых волнах солнца блиц.

Душа спешит дневные мысли
Ещё кипящие унять
Затем, чтоб к полночи исчислить
Всё, что поэту нужно знать.

Смеркается, в предвосхищеньи,
Она блаженно замерла,
И ночь приходит, как прощенье,
А всё прошедшее — зола.

Ещё чисты листки блокнота,
Но карандаш настороже;
В сознании родится что-то
И именуется уже.

И населяю я пространство,
Как некий первозданный мир,
По буковке вливая в стансы
Мгновенных образов эфир.

В Нескушном ночью тихо, пусто;
Шатёр аллеи, как альков.
И на душе блаженно грустно
После написанных стихов.

ДИДАКТИКА ГРАФОМАНОВ

Как муза моя резво ни хлопочет,
Как сердце ни горит живым огнём,
Мне не хватает долгой зимней ночи
Поведать, чем душа болела днём.

Ещё до вдохновенных осознаний,
Событий нити собирая в суть,
Уже я знаю — мало только знаний,
Чтобы с одним пером пуститься в путь.

Извлечь из шелухи мирских событий
Крупицу для затравки — это труд.
Из лабиринта низменного выйти,
Как ни спеши, но не считай минут.

Но знаю я — придёт пора прозрений,
Пусть ночь прошла, и в путь зовут дела;
Суть вовсе не в числе стихотворений,
А чтобы муза вновь и вновь пришла.

Чтоб вновь и вновь в блаженном состоянье
Я заполнял рабочую тетрадь,
И это был не стих, а волхвованье,
А там — как знать...

ПОСЛЕДНИЙ УРОК

На самом деле мы — самодостаточны,
И сами — назидание себе.
И то сказать: вольно гаданьем святочным
Вносить поправки в собственной судьбе.

Казалось бы, как жить без хрестоматии,
Энциклике какой-нибудь не внять,
Союзов членом быть, в составе партии,
Принять на грудь, хотя бы крест принять?

Но если ум и сердце в тебе развиты,
А взор пытлив и дерзостна душа,
В банальном бытии не можешь разве ты
Свою судьбу по своему свершать?

За малым дело. Собери все качества
В себе одном, мой верный ученик,
И ты, преобразившись, сможешь начисто
Переписать и жизни черновик.

МОНОЛОГ КОЛЛЕГОРСКОГО

Призываю неофитов не внимая,
Де, мысль изреченная есть ложь,
Я из штанин широких вынимаю
Свой аргумент, коль вынь да и положи.
А в самом деле, как они узнают,
Что истина, а что едрёна вошь?
Мы слышали, когда случалось петь им,
Весь перечень банальных междометий.

Пусть не в почёте менторство, как сглаз,
Но мудрость нас терпенью научила,

И стих мой подтверждает всякий раз,
Когда ему внимают — Знатье-Сила.
Не скромно интеллект свой напоказ
Публично выставлять, но мне постыло
Вновь про любовь, из грёзы снова в розы,
Из муки в руки, с возу под берёзы.

Не стану всех надменно браковать,
Как рекрутов добившихся увечья,
Но если кто решил поэтом стать
И выучил союзы да наречья,
Не поленился стоп пересчитать,
Жирмунскому зря не противореча,
Такого неопита, может статься,
За это на Парнасе впишут в святцы.

И то сказать, порою графоман,
Из Иппокрены, норовя напитокся,
Так наберётся! И не то чтоб пьян,
Но сразу видно в чём смочил он рыльце.
Да так и остаётся окаянн,
Поскольку пил не из того копытца.
А к вящей славе творческих союзов
Щедры и компромиссны нынче музы.

Но я! Но мы храним родную речь,
Зане Державин поручил нам лиру.
Потомок дерзновенный, не увечь
Поэзию, люби ты хоть Земфиру,
Себя хоть Гафтом изувековечь
И даже Резником представься миру,
Но и в бедламе современной школы
Храни Руси певучие глаголы!

ЮНЫЕ ДАРОВАНИЯ

Ещё до триумфов, как до Гималаев,
Ещё не подвластны ни сердце, ни мозг,
А мы со всей страстью поэмы слагаем
Из лексики скудной, но мягкой, как воск.

Из неологизмов городим турысы,
Для рифм не жалеем ни грёз и ни роз,
Язык избираем как будто бы русский,
В кириллицу вырядив свой Инглиш Фёст.

Мы верим в свои неокрепшие чувства,
Хотя от старперов не видно ни зги.
Лишь с нашим приходом начнётся искусство
И, типа, заткнутся, короче, враги.

ВЫСОКОМЕРНЫЙ СОНЕТ

Ивану Бунину

На мраморной скале за облаками
Наставник мой, философ и поэт,
Для неофитов начертал завет,
Стихами испещрив бесстрастный камень.

Пусть будет незамеченным веками
Моих высоких устремлений след,
Как нисходящий долу горний свет
В чаду лампад не видим дураками.

Восшедший, ты достоин высоты!
Пусть будешь в одиночестве здесь ты,
Но станешь выше праздных нареканий.

Иному за всю жизнь не пережить
Того, что ты умеешь изъяснить
Четырнадцатью чёткими строками.

ЛИДЕ ЛУТКОВОЙ

Творец, хоть и бессущен, может быть,
Как мы, свои заботы чтёт рутинной,
Бессмертье напролёт, как миг единый,
Из атомов свивая жизни нить.

Вот и поэт — нет, чтобы просто жить
Коль с бытием ты связан пуповиной,
Противу правил, вздорно, без повинной
Всё тщится мирозданье сотворить.

Задумано ли эдак от начал,
А не от невниманья к мелочам,
Но в мирозданье завелись поэты.

И ну себе творить на все лады,
Да своевольно так, что жди беды,
Того гляди — творца сживут со свету.

АКРОСОНЕТ

Ветрами перемен кораблик мой
Из каботажа в кругосветки манит;
Круиз — не рейс в кипящем океане,
А летаргия бухт — не рай земной.

Тернистый путь природе озорной
Обещан, помнится, ещё в Коране;
Прими, юдоль, безумца вместо дани
От крадущихся к цели стороной.

Нам ветер странствий обещает дали.
Однако, вёсла в берег проросли,
Где топчемся мы без поводырей.

Откуда-то, где не бывать печали,
Ветра тебя к нам нынче принесли,
А значит собирайся в путь скорей.

ПРИРОДА ПОЭЗИИ

Олесе Малышевой

Всё начинается без слов,
С ещё невнятных ощущений,
Так воплощается любовь
Задолго до прикосновений.

Как ток грозы издалека
Ещё спокойный мир пронзает,
Так в грудь невнятная тоска
Бесплотной гадиной вползает.

В душе мелодия растёт,
Подсказывает сердце ритмы,
Вникает разум в смысл, и вот
Слова слагаются в молитвы.

Тогда мы можем доверять
Душевный трепет славословью
И всё по имени назвать,
Но с состраданием и любовью.

ЭТО Я, ГОСПОДИ

У меня огромная душа —
Век любить, не налюбиться вволю;
От восторгов жадных чуть дыша,
Я весь мир готов объять любовью.

Чтоб меня пронзали краски дня,
И волшебства мне дарили ночи,
Чтоб любили женщины меня,
И ругали мужики не очень.

Чтобы в вечной книге бытия
Всею сутью я запечатлелся.
Господи, помилую, — это я
О семье огромной разболелся.

Я б взаправду патриархом стал,
Сам себе родил народ счастливый,
Но сегодняшний мой идеал
Щедр без меры и такой красивый.

Я в неё втекаю, как ручей,
Наполняю груди словно воздух,
Я, конечно, как и был — ничей,
Но она мне ночью застит звёзды.

И, готовый целый мир приять,
Я одну её в себя вбираю,
И я счастлив, жить и умирать,
Петь и плакать по дороге к раю.

СИМФОНИЧЕСКАЯ ФАНТАЗИЯ А. ЭШПАЯ

«Переход Суворова через Альпы»

С Тверской по Газетному, нет лучше в Брюсов,
Под арку, сминая гранитный бордюру,
Куда прошмыгнули озябшие музы,
Как я, предвкушая триумф увертюру.

В дубовом подъезде, раскланявшись с кем-то,
Взлетаешь на небо, а в литерный ряд
Улыбка Седовой натянута лентой,
Но машет программкой великий собрат.

И вот колокольчик рассыпался Лями,
Воспел Татарицкий и вышел, как лорд;
Незримо созрев, как огонь под углями,
Возрос из пюпитров звенящий аккорд.

И Альпы пронзили торжественный воздух,
И люто ударили в стяги снега;
Сомкнул свои рати солдатский апостол,
Как хлеб, преломляя седой Сен-Готард.

Разъяли тромбоны ущельями скалы,
Разлили валторны долин благодать,
И ветер фанфарный, знамёна листая,
Помчался на тризну товарищей звать.

Последней поверки печальные ноты
И гордые в славе аккордом сплелись
И в медь возвратились, но высшее что-то
Впиталось живительно в чуткую жизнь.

Великий собрат улыбнулся устало,
Смиренно ступив в рукоплещущий зал,
А муза акустики рядом витала,
Вплетая овацию в бурный финал.

Из тьмы переулков Тверская манила,
Себя, предлагая на всех языках...
Но вдруг с Воскресения полночь пробило
Невнятно — молитвенным «Славься в веках».

* * *

Юре Нугманову

В канву творения, в основу всех наук
В величественном гимне созиданья
Прообразом восторгов и страданья
Вплетён Предвечным изначальный звук.

Как отраженье всех блаженств, всех мук,
Как всех мечтаний грешных упованье,
Связующие нити мирозданья
Перебирают пальцы лёгких рук.

Всё бытие на шесть певучих жил
В единственной гармонии навито
И вверено взыскующим рукам.

Чтоб музыкант явился и открыл
Всем чудо, что в душе гитары скрыто,
И подарил непосвящённым нам.

УЧЕНИКАМ

Что наша жизнь? Возня в бытийной грязи,
Игра с венцом удач и неудач?
Но жизнь — не сборник вычурных задач,
Мы созданы из неслучайных связей.

Хоть сотню раз пути переиначь:
Бросайся в бездны, на вершины лазай,
Сгори в геройстве, заразись проказой —
В судьбе меня не минешь ты, хоть плачь.

Я в жизнь твою войду, как назидатель,
Которого в Твореньи на века
Для каждого назначил сам Создатель.

Ты ищешь? — укажу наверняка,
Ты страждешь? — я твой верный сострадатель,
Ты погибаешь? — вот моя рука.

МОИМ ПОЭТИЧЕСКИМ ПРАЗДНИКАМ

Нет, в этом подземельи не тюрьма,
И собраны мы здесь не чьей-то волей:
Огонь сердец, смятение ума —
Единственные здесь на вход пароли.

Царицей здесь Гармония сама,
И, не тая ни радости, ни боли,
Возносим мы творений терема
Над вековечной дрёмой юдоли.

Здесь никогда не перестанут течь
Вино любви и музыка желаний,
И ток восторга в крыльях наших муз.

Пока горит огонь, покуда речь
Расплёскивает тайны упований,
«Друзья мои, прекрасен наш союз!»

АКРОСОНЕТ

Слепцы, сцепившись цугом, мы брели,
Тернистый путь наощупь понимая:
Есть, пить и спать, да уголок сарая —
Предел, который мы достичь могли.
Червонец ли, медяк мы обрели,
Едва ли мы на них достигнем рая;
Нас за забытый грех Господь, карая,
Кружить заставил по тюрьме Земли.
Одна была нам радость — наш певец:

Судьбу свою связав навеки с нами,
Вознёсся он над сумраком тенет.
Его, поводыря слепых сердец,
Таинственно возжёт Творец, как пламя,
А нам внушил возможность видеть свет.

* * *

Леоноре Дмитерко

Мы собрались на краешке земли...
Бог весть как долго грезилась начала;
Волной приливной нетерпенье вяло
Качало предвкушений корабли.

Чужие, мы друг другу не могли
Поведать, что со всеми нами стало.
Прощаясь с этим берегом устало,
С собой у нас лишь пепелищ угли.

Но песен паруса разъяли высь,
А кормчий, зачерпнув волну рукою,
Пылающие лица нам омыл.

И мы забыли прожитую жизнь,
Когда псалом, исполненный покоя,
Нам в тайне звуков истину открыл.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н. Давыдова, Д. Цесельчук.</i> <i>ВСЁ НАЧИНАЕТСЯ БЕЗ СЛОВ...</i>	3
Меценату	5
Одинокий странник	5
Поэт и люди	6
Магия стиха	7
Прогулка перед концом времён	7
«В пейзажной лирике есть тайна...»	9
«В искроглазом июне...»	10
Русское	11
Из прошлого	11
«Туман, туман...»	12
Сакральное	13
Аллея грусти вдохновенной	14
Чародеи	15
Колыбельная	16
«Сегодня тьма особенно пуста...»	17
Назидание	17
Пленер	18
Песня долгого пути	19
Ночные строфы	20
Гений в пустыне	21
Посвящение	22
«Отчего молчат поэты?..»	23
«Всё с лёгкости начинается...»	24
В моём Нескушном	25
Дидактика графоманов	26
Последний урок	27
Монолог Коллегорского	27
Юные дарования	29
Высокомерный сонет	29
Лиде Лутковой	30
Акросонет	31
Природа поэзии	31

Это я, Господи	32
Симфоническая фантазия А. Эшпая	33
«В канву творения, в основу всех наук...».....	34
Ученикам	35
Моим поэтическим праздникам	35
Акросонет.....	36
«Мы собрались на краешке земли...».....	37

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
Библиотека альманаха "СЛОВЕСНОСТЬ"

Борис Семёнович Илюхин
СТАРАЯ ШКОЛА
Стихотворения

Книжная серия «Визитная карточка литератора»

Редактор – Евгений Степанов
Выпускающий редактор – Нина Давыдова
Компьютерная вёрстка – Марина Кива

Заказное издание

Книга выпущена в авторской редакции

Бумага офсетная
Гарнитура Calibri
Тираж 100 экземпляров.
Сдано в набор 17.11.2014
Подписано в печать 08.12.2014

Издательство и типография
«Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978-62-75